

МАРИ КНЯЗЕВА

16+

Гостодин 2

Восточные истории

Мари Князева

Господин 2

«Автор»

2020

Мари Князева

Господин 2 / Мари Князева — «Автор», 2020 — (Восточные истории)

"Я не видела, как он вошел в храм. Я поцеловала чашу, а когда подняла глаза, Он уже стоял там. Мой ночной кошмар. Мой тюремщик и мой спаситель. Моя надежда и разочарование. Мое счастье и моя гибель. Мой Хозяин. Он снова пришел по мою душу. "Теперь они "воюют" на ее территории, но это отнюдь не значит, что наш господин в слабой позиции. У него много козырей в карманах и рукавах. Будет горячо!

© Мари Князева, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Встреча на моей территории	5
Глава 2. Неудачное свидание	11
Глава 3. Моя женщина	15
Глава 4. Второе свидание	19
Глава 5. Третье свидание	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мари Князева

Господин 2

Глава 1. Встреча на моей территории

Ева

Я стояла в очереди на причастие, скрестив руки на груди и не глядя по сторонам. Тихонько напевая себе под нос: "Тело Христово примите. Источника бессмертного вкусите..." Это помогало унять волнение в груди. Я, конечно, причащалась не в первый раз, но моя духовная жизнь насчитывала совсем немного случаев принятия этого таинства.

Наконец, после всех детей и стариков, подошла моя очередь. Я назвала священнику свое имя, открыла рот... Поцеловав чашу, со склоненной головой посторонилась, чтобы дать дорогу другим прихожанам. Только после этого повернулась, подняла взгляд – и пол под моими ногами пошатнулся. Прямо передо мной, шагах в десяти, горой возвышался над суетящимися православными христианами Халиб Терджан Насгулл. Он был без головного убора – все так же лыс и бородат, но одет по-европейски: в черную рубашку с длинным рукавом и такие же брюки. Его массивная фигура невольно внушала страх и почтение, даже несмотря на непривычную обстановку, в которой он не был Хозяином.

Настолько невероятна была эта встреча, что я даже на секунду зажмурилась, чтобы отогнать наваждение, но когда открыла глаза, он никуда не исчез – наоборот, стал немного ближе и продолжал приближаться.

Сколько раз за эти три месяца я видела его во сне! В страшном до слез, до удушья. И в светлом, теплом, радостном. Пусть и невольно, Халиб был моим другом, и он отпустил меня. Ждала ли я его нового появления в моей жизни? Признаюсь, порой я искала его черты в каждом мужчине, которого встречала на своем пути. Хотела ли я этого появления? Об этом я лучше умолчу. И дело не в том, что я стыжусь своей привязанности к этому человеку или наоборот, боюсь выглядеть неблагодарной. Просто мои чувства к нему были настолько сложны и запутанны, что я едва ли могла расплести этот замысловатый клубок без чьей-либо помощи. И кажется, мой восточный друг прибыл на мою родину, чтобы помочь мне в этом.

От волнения я совершенно смешалась, не зная, что делать: бежать к нему или от него. Воспользовавшись этой моей растерянностью, Терджан в два шага преодолел оставшееся между нами расстояние и сказал по-русски с сильным акцентом:

– Здравствуй, Ева.

Я судорожно сглотнула, потому что у меня резко перехватило дыхание, так что невозможно было издать ни звука, не то что ответить на приветствие. Приподняла раскрытую ладонь в защитном жесте, одновременно прося дать немного времени, свернула в сторону и подошла к столику, где всем причастившимся предлагали воду и кусочек просфоры. Не скажу, что мне стало намного легче от этого, но я смогла собрать мысли в точку.

Он здесь. Он приехал ко мне, иначе я не встретила бы его в храме. Но зачем, с какой целью он отправился в такую даль? Ведь не затем, чтобы просто поздороваться... И как он узнал, где меня найти? Все эти вопросы я собиралась задать ему, потому что ясно понимала: разговор неизбежен.

Однако беседовать в храме или даже на церковном дворе казалось мне неуместным, и я, бросив неуверенный, но зовущий взгляд на моего друга (ибо он вернул себе это звание, отпустив меня тогда, три месяца назад), вышла из здания, предварительно перекрестившись, а потом и из ворот. Бросила по монетке трем нищим, сидевшим снаружи, сделала несколько шагов вправо и остановилась в нерешительности.

Халиб, которого все прохожие провожали замороженными взглядами, приблизился ко мне.

– Здравствуй, Терджан, – сказала я ему по-английски. – Не ожидала встретить тебя здесь...

– Я знаю, – улыбнулся он, и в этой улыбке мне почудилось ощущение превосходства и самоуверенности. – Я приехал по делам и решил заодно повидать тебя.

– По делам? Сюда? По каким делам и как ты нашел меня?

– По делам своей компании. А при современном развитии технологий найти человека не так уж сложно...

От этих слов мне почему-то стало не по себе, и я решила не уточнять, о каких именно технологиях он говорит, тем более, что он все равно выдаст мне ровно столько информации, сколько сочтет нужным.

– Ты ведь позволишь мне пригласить тебя в кафе на чашку чая, неправда ли? – спросил он, нисколько не сомневаясь в моем положительном ответе.

Я тихонько вздохнула. В самом деле, законы гостеприимства, да и простая человеческая вежливость, требовали согласиться. Я кивнула, Халиб с довольной улыбкой взял меня за руку и повел к стоявшему в стороне автомобилю. Он был шикарным, но не чересчур – такие машины встречались на улицах нашего города. Терджан придержал дверь, помогая мне сесть на заднее сиденье, а сам сел рядом, с другой стороны, и отдал водителю приказ на своем языке. Я с удивлением заметила, что понимаю некоторые из его слов. Поразительно! Мне казалось, что за эти месяцы, проведенные на родине, весь восточный лексикон выветрился из моей головы, но, видимо, это происходит не так быстро, а ведь я прожила в рабовладельческой стране больше года.

Халиб взял меня за руку и нежно погладил мою ладошку большим пальцем. Сердце мое скакнуло в груди, я почти вырвала ее из плена, но потом, чтобы сгладить свою грубость, принялась искать в сумочке носовой платок.

– Ты очень тепло одет, – бросив на Терджана быстрый взгляд, сказала я, просто чтобы что-то сказать.

– У вас совсем не жарко, – ответил он спокойно. – А я всегда так одеваюсь.

Ну конечно, по сравнению с климатом его страны, у нас сейчас вполне прохладно!

– А ты... выглядишь великолепно, – вдруг выдохнул Терджан и снова завладел моей рукой, а потом неожиданно поцеловал тыльную сторону ладони.

Я буквально взмокла от этого жеста, хотя в салоне было почти холодно из-за активно работающего кондиционера.

– Спасибо, – процедила я сквозь зубы, не зная, что еще сказать. Он привел меня в совершенное замешательство.

Через пару томительных минут мы остановились возле одной кофейни в центре, и Терджан помог мне вылезти из автомобиля. Спустившись на землю, я попыталась забрать у него свою руку, но он не отдал, а вместо этого сказал:

– Когда мы с тобой в последний раз вместе ездили на машине, я выносил тебя оттуда на руках. Позволь мне сейчас хотя бы подержать тебя за руку.

Я вздохнула, но возражать не стала. Однако мне становилось все тревожнее. Сев за столик в кафе, я вдруг вспомнила, что мама ждет меня к позднему завтраку. Эта встреча настолько выбила меня из колеи, что я забыла обо всем на свете!

– Мне нужно позвонить, – сказала я своему спутнику, достала телефон и вернулась на улицу.

Мама взяла трубку не сразу – такое с ней часто случается – зато моментально заметила, что со мной что-то не то.

– Все в порядке, Ева? Ничего не случилось?

– Нет, мам, все хорошо. Просто встретила старого знакомого и решила сходить с ним в кафе...

– Похоже, он сильно взволновал тебя...

– Да нет же, просто неожиданная приятная встреча.

– Ну хорошо, но я позвоню через пару часов проверить, все ли в порядке, – проницательно предложила мама.

– Ладно. Если хочешь, позвони.

На самом деле, конечно, это были пустые опасения. Если Халиб Насгулл захочет похитить меня, мама не сможет мне помочь. Но зачем бы он в таком случае стал отпускать меня на родину, а потом опять похищать? Это не рационально.

Вернувшись в кафе, я застала необыкновенную сцену: вокруг моего восточного друга сгрудилась целая группа девушек – в основном, молодых и симпатичных – и наперебой пыталась выяснить, что он хочет заказать.

– Что происходит? – спросила я у него, подойдя поближе.

– Официантка не говорит по-английски, – ответил он, и все посетители кинулись нам помогать.

– Спасибо, – обратилась я к многочисленным помощницам уже по-русски, – мы сами разберемся.

Меня обожгло, по меньшей мере, 5-6 недовольных, завистливых взглядов, а потом добрые самаритянки стали нехотя расходиться по своим местам. Я села рядом с Терджаном и заглянула в меню.

– Что ты будешь, чай или кофе?

– А ты? – он смотрел на меня с такой нежностью, что невозможно было не почувствовать теплоту в сердце.

Халиб, похоже, не заметил ни одной из этих красоток, жаждавших заполучить толику его внимания, и это было так трогательно.

– Я обычно беру латте и печенье или кекс.

– Ты многое тряешь, заливая кофе таким безобразным количеством молока.

Я улыбнулась:

– Возможно, я никогда не пробовала по-настоящему хорошо сваренный кофе, но его вкус кажется мне невыносимым без такого количества молока.

– Я как-нибудь сварю тебе, – пообещал Терджан, и у меня от этого мурашки побежали по телу.

Он же заказал чай Сен-ча и больше ничего.

– Чай труднее испортить, потому что его просто заливают кипятком, – пояснил мужчина.

– Тяжело тебе придется в нашем простом мире с такими изысканными вкусами...

– Ничего. Я приспособлюсь. На самом деле, я могу спать на земле, есть наполовину горелую – наполовину сырую баранину и пить ржавую воду. Просто немного расслабился в последнее время.

– Ты расскажешь мне, какие именно дела привели тебя сюда?

– Да, но позже. Сначала я хочу послушать, как ты жила эти несколько месяцев.

Я потупилась:

– Спасибо тебе... Наверное, ни о чем я так не сожалела за последние полтора года, как о том, что не могу поблагодарить тебя за мою свободу. Мне бы очень хотелось... как-то отплатить тебе за этот жест...

От избытка смущения я говорила все тише, а Терджан улыбался все шире, и в конце концов он подхватил меня за талию и усадил к себе на колени, а потом обнял, крепко прижав к себе:

– Я так скучал по тебе, маленькая птичка! А ты? Думала обо мне хоть немного?

Мне стало тяжело дышать, голова безбожно кружилась, а сердце буквально выпрыгивало из груди. Чтобы хоть немного вздохнуть, я слегка отстранилась, и сказала тихо:

– Да, конечно. Разве могла я забыть..? Но я боюсь...

– Опять?! – громко, эмоционально перебил он меня. – Ева, это переходит всякие границы! Мне начинает казаться, что ты никогда не чувствуешь себя в безопасности, и я тут совершенно ни при чем!

При помощи серьезных физических усилий, я выбралась из его объятий и предостерегла своего друга:

– Ты не дал мне договорить...

Тут подошел официант, который уже пару минут стоял в сторонке с подносом, не решаясь приблизиться к нашему необыкновенному столу:

– Можно? – осторожно спросил он.

– Да, конечно, – поправляя одежду и волосы, ответила я и села на стул.

Только теперь я вспомнила о платке на моей голове, сняла его и убрала в сумочку.

– У тебя такие красивые волосы... – хрипло произнес Терджан, неотрывно следя за тем, как я распускаю хвост и затем снова собираю его заколкой.

– Да. Спасибо. Ты уже говорил, что они тебе нравятся и ты хочешь, чтобы у нашей дочери были такие же.

Глаза его потемнели, но выражение лица оставалось каменным.

– Давай не будем ходить вокруг да около, – предложила я. – Ты по-прежнему хочешь... чтобы я стала твоей... и родила тебе детей?

– Думаю, любой здоровый мужчина в подходящем возрасте желает этого, глядя на тебя.

– А на них? – я махнула рукой в сторону девушек, сидевших в кафе и продолжавших активно поглядывать на Терджана, несмотря на демонстрацию его чувств ко мне и независимо от того, имели ли они сами спутников.

Халиб пожал плечами.

– Они меня не интересуют.

– Но почему? Чем они хуже?

– Понятия не имею. И знать не хочу. Я люблю тебя.

Краска бросилась мне в лицо. Кое-как совладав с голосом, я сказала:

– Я не вернусь туда.

– Хорошо. Не возвращайся, пока не захочешь.

Я долго смотрела ему в лицо, не в силах ни отвести взгляда, ни сказать что-нибудь. Это просто сумасшествие какое-то – так я ему и сообщила, когда тишина стала слишком тягостной.

– Да, ты права, – усмехнулся он. – Но это все из-за тебя.

Я решительно не понимала его. Я казалась себе довольно обычной и не знала, что такого особенного нашел он во мне, ради чего стоило прикладывать такие невероятные усилия.

– Я бы хотел написать поэму о наших отношениях, – с невеселой усмешкой сказал Терджан, – но увы, сам я стихи писать не умею, а рассказывать эту историю постороннему поэту кажется мне почти святотатством. Поверь мне, Ева, если бы я мог тебя забыть и оставить в покое, я бы непременно это сделал.

– Так чего ты хочешь?

– Чтобы ты дала мне возможность завоевать тебя. Ты наотрез отказала мне в любви, потому что хотела быть свободной. Теперь ты свободна. Мы ведь можем просто ходить на свидания?

– Но к чему это все? Ты же хочешь, чтобы я стала твоей, насовсем. Ты ведь не станешь довольствоваться ролью временного любовника. И я тоже не та девушка, что живет подобными стремлениями. Я хочу замуж, хочу детей. Но я не выйду за тебя, потому что не хочу жить в чужой стране.

– Как ты можешь утверждать это, даже не попробовав строить нормальные отношения со мной? Неужели ты до сих пор не веришь в мои чувства, мои благие и серьезные намерения? Что еще я должен сделать, чтобы ты поняла, насколько ты важна для меня? Лечь под поезд?

– Ты женат... Это важно для меня. Для меня это непреодолимое препятствие.

– А если бы я был разведен, это не было бы препятствием?

– К чему эти пустые рассуждения?

– Я не могу развестись с женами – это было бы несправедливо по отношению к ним. Они всю жизнь исполняли свой долг: родили мне детей, воспитывали их, жили благочестивой жизнью. Я не могу выкинуть их на улицу, как собак. Но я не живу с ними как с женами. Ты будешь единственной, с кем я делю ложе. Они останутся моими женами лишь на бумаге, а ты – на самом деле.

Я обхватила голову руками. Ну что за безумие! Как его остановить? Этот человек просто помешался... Я взяла его за руку, заглянула в глаза.

– Терджан, это будет нечестно с моей стороны, если я соглашусь... Понимаешь? Ложная надежда...

– Ничего подобного. Она была бы ложной, если бы ты обещала что-то, а ты высказалась предельно откровенно. И потом, ты только что твердила о благодарности и твоём желании отплатить мне за доброе отношение. Вот моя цена. Мне кажется, я заслужил немного твоего внимания.

Смешно. Глупо и наивно. Думать, что я смогу в чем-нибудь его убедить. И мой математический склад ума мне тут не помощник. Ведь передо мной не просто мужчина, и даже не просто тиран, привыкший всеми командовать. Это ВЛЮБЛЕННЫЙ властный мужчина, и любые доводы рассудка для него пустой звук.

Мы договорились на 5 свиданий, одно из которых должно пройти у меня дома. Терджану хотелось посмотреть, как я живу. Мне же было тревожно от того, что придется представить его родителям. Я даже задумалась, не переехать ли мне спешно куда-нибудь на съемное жилье, о чем, кстати, я и прежде задумывалась.

В принципе, делить квартиру с родителями удобно: я все еще одна, и кроме подружек, ко мне никто не ходит. Однако, так не будет продолжаться вечно. Петя так и не появился в России. Его, конечно, как и меня, объявили в международный розыск, но, очевидно, ему намного меньше повезло с хозяином, и мой жених до сих пор числился пропавшим без вести. Даже мама заявила, что нельзя ждать вечно и что жизнь продолжается. Я бы не сказала, что мне хотелось поскорее найти себе жениха, поэтому я часто отказывалась от свиданий, на которые меня приглашали знакомые и коллеги, но вот недавно – согласилась. Мы встретились с Дмитрием на киносеансе в православном клубе. Он производил впечатление серьезного и ответственного человека. Слегка полноватый, но в пределах допустимого, с приличной, не слишком короткой стрижкой светлых волос, простым русским лицом и довольно умной, грамотной речью. Он работал адвокатом в одной местной конторе. Развелся несколько лет назад, потому что жена ему изменяла, и теперь хотел жениться исключительно на верующей православной девушке из приличной семьи.

Мне понравилось, как хорошо он излагает свои мысли, ясно и корректно, как высказывается о других людях. Даже изменницу-жену он не осуждал, а скорее оправдывал, говоря, что ее попутал бес, но жить с нею он больше не может, потому что раскаяние – слабые узы, если в сердце не живет Бог. Также он не сказал мне прямо, что хочет жениться на православной девушке вроде меня, а выразился обтекаемо: мол, я понял, что трудно построить крепкую семью без веры и так далее и тому подобное. И сегодня утром мы с ним встретились в храме перед Божественной литургией – Дмитрий подтвердил нашу встречу в ресторане и обещал захватить за мной в шесть.

Терджан тоже просил о свидании сегодня вечером, но я решила не отменять договоренность с Дмитрием, потому что не воспринимала намерения господина Насгулла всерьез. И сама не намеревалась вступать с ним в физический контакт. Так мы договорились: каждое объятие, поцелуй и прочие прикосновения могут происходить только с моего разрешения. Я имею право совсем отказаться от них и провести все 5 встреч исключительно в дружеском ключе.

Халиб был, конечно, недоволен таким договором. Он считал, что его безбрежное благородство и доброта стоят намного большего. Что я обязана разрешить ему хотя бы дружеские прикосновения: брать меня за руку, обнимать при встрече и прощании – но я стояла стеной. Он в самом деле совершил подвиг бескорыстия и сострадания, но платить за него своим телом я не собиралась. Это была односторонняя сделка, в которую меня вписали без моего согласия.

Глава 2. Неудачное свидание

Ева

Я волновалась, ведь мы с Дмитрием никогда не встречались вне территории храма. Долго выбирала, что надеть – в конце концов остановилась на черном платье, облегающем фигуру, но не слишком навязчиво, и к тому же длиной ниже колена. Оно почти полностью открывало руки и поэтому я прихватила тонкий голубой палантин, чтобы не смущать моего визави. Нанесла легкий макияж.

Дмитрий явился ровно в шесть – ни минутой раньше, ни минутой позже. Это вселяло оптимизм. Не люблю необязательных мужчин. Одет он был в костюм-двойку из тонкой, хорошей серой ткани. Я смущенно поприветствовала его и протянула руку, которую он с готовностью пожал. Пока я надевала босоножки, в прихожую выглянула мама.

– Здравствуйте! – довольно улыбнулась она с хитрым выражением лица. – Вы, должно быть, Дмитрий?

– Да, – приветливо кивнул мужчина. – Совершенно верно.

– Клавдия Петровна, – представилась мама и улыбнулась еще шире.

– Моя мама, – добавила я почти сквозь зубы. Мы с ней договаривались, что она не станет любопытствовать, потому что наши с Дмитрием отношения еще и не начались толком – рановато знакомить его с родителями.

В коридоре послышались папины шаги. Я так разволновалась, что бросила застежку на второй босоножке, подхватила сумочку и кавалера и буквально вытолкала его за дверь. Ну что за смотрины! Просила ведь... Дмитрий, кажется, не обратил внимания на мои маневры, спокойно дождался в подъезде, пока я застегну босоножку, и предложил мне локоть. Я послушно положила на него руку. Он заслужил немного контакта за примерное терпение.

Мы спустились по лестнице, вышли в густой вечерний летний воздух, сели в серебристый "Пассат". Дмитрий стал рассказывать мне об отрывке из Евангелия, что читали сегодня на службе, но я не могла отогнать мысли о Терджане.

Он так просто не сдастся. Он приехал со вполне серьезными намерениями и даже открыл мне смысл своего нового плана. Мой бывший господин считает, что теперь, когда я свободна и нахожусь на родной земле, между нами нет никаких препятствий. Он уверен, что поступает правильно и справедливо, беря меня в жены, а тех, первых двух, оставляя за бортом семейной жизни. Да, он намерен обеспечивать их, и это бесспорно заслуживает уважения, но разве это все, что нужно человеку, женщине, в жизни? Каждый хочет любить и быть любимым. А какая участь уготована этим женщинам? Жить в собственном доме, как какие-то приживалки. Они не могут заново выйти замуж, найти свою любовь, потому что юридически привязаны к Халибу. Но и он их не любит – что это за жизнь?

– Ева! – вдруг окликнул меня Дмитрий. – Ты меня слушаешь?

– Да, прости, отвлеклась немного... Извини... что ты говорил?

– Да, ничего, забудь. Знаешь, у тебя очень красивое библейское имя. Мне нравится.

– Спасибо. Твое тоже очень хорошее.

Дмитрий польщенно улыбнулся. Он привез меня в уютное заведение в центре города. В просторном зале стояли симпатичные диванчики и деревянные столики, покрытые скатертями, негромко играла приятная музыка. Сев за стол, Дмитрий сразу заказал официанту, который принес меню, кувшин лимонада, а потом предложил мне выбрать что-нибудь на свой вкус. Рассказал, что сам обычно здесь заказывает: сковородку с жаренным мясом и овощами, салат из форели, острый суп Том-ям.

Все это мне не очень подходило, я углубилась в изучение меню и совершенно не следила за происходящим вокруг – очнулась, только когда до боли, пугающе знакомый голос с сильным

акцентом и гневными нотками окликнул меня по имени. Медленно подняла голову, замирая от ужаса. Нет-нет-нет, он не может быть здесь! Таких совпадений не бывает!

– Кто этот человек? – спросил Терджан, смотря на меня немигающим взглядом и указывая рукой на Дмитрия.

Он был похож на вулкан: большой, грозный, сверкающий полным ярости и ревности взглядом. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, но заговорила все равно дрожащим голосом:

– Здравствуй, Халиб.

– Ева, что происходит? – нахмурился Дмитрий.

– Не обращай внимания, – виновато улыбнулась я ему. – Я сейчас все улажу...

Но мне не удалось не только сделать что-нибудь, а даже сказать одно слово – Терджан схватил моего спутника за ворот рубашки, вытащил из-за стола и хорошенько встряхнул – тот даже крикнул от неожиданности.

– Ева – моя! – прошипел Халиб ему по-русски прямо в лицо.

Дмитрий перевел испуганно-вопросительный взгляд на меня.

– Это неправда! – закричала я на Терджана. – Зачем ты врешь? Как ты здесь оказался?

Почему позволяешь себе подобное поведение?

Я принялась выцарапывать ворот Диминой рубашки из огромных сильных лап Халиба, причитая на ходу:

– Простите, Дмитрий, это недоразумение! Этот человек сам не знает, что говорит!

Окончательно разозлившись, Терджан отпустил Дмитрия и освободившимися руками схватил меня за талию. Зашептал горячо и гневно:

– Ты поступаешь некрасиво, Ева. Мы с тобой договорились... и что я вижу? Ты встречаешься с другим! В тот же день! Это недостойное поведение!

Я отчаянно сопротивлялась, пытаюсь выбраться из его объятий:

– В таком случае, может быть, тебе стоит отказаться от желания быть со мной рядом?

Раз я такая недостойная женщина...

– Черта с два! Лучше я увезу тебя и запру в своей комнате, пока ты не наделала глупостей!

– Почему ты так уверен, что я не наделала их за эти три месяца?

– Я знаю.

– Ты следишь за мной? Постоянно? И сегодня тоже? Как ты оказался здесь?

– Это не имеет значения. Ты не должна встречаться с другими мужчинами, пока мы не решим все наши разногласия! Только со мной!

Я вдруг вспомнила про другого мужчину, что стоит рядом и слушает наши препирания, и мне стало ужасно стыдно перед ним. Я принялась оглядываться, одновременно продолжая отталкивать Терджана. Дмитрия нигде не было. Он исчез, оставив на столе купюру в 500 рублей – за лимонад. Удушающий стыд залил все мое существо. Господи, это же надо – быть такой дурой! Ну зачем я согласилась встречаться с ними обоими?! Теперь опозорюсь на весь приход..!

В идеале, нужно было отказать Терджану, но от него так просто не отделаешься, поэтому стоило хотя бы отменить встречу с Дмитрием. Но теперь все. Я пропала.

– Отпусти меня! – тихо, но строго сказала я Халибу. Он подчинился, но и шагу назад не сделал. Я подхватила со стола сумочку и направилась к двери. Терджан пошел следом.

– Пойдем в мою машину, – предложил он.

– Ни за что!

– Тогда просто прогуляемся.

– Я не хочу с тобой никуда идти.

– Нам нужно поговорить.

– Я не хочу с тобой разговаривать!

– Ева, приди в себя! – Он дёрнул меня за руку, и я с размаху, круто развернувшись, ударила носом в его твердую грудь. – Просто слушай, – приказал Терджан. – Да, я приехал к тебе, хотя у меня некоторые дела в этой местности. Мне показалось, что я заслужил немного благодарности за то, как гуманно и терпеливо поступил с тобой. Дал тебе все, что ты хотела, несмотря на то, насколько это шло вразрез с тем, чего хотел я. И я мог это получить, особо не напрягаясь. Давным-давно, в том количестве, в каком хотел.

Пока я его слушала, мои щеки разгорались все сильнее. Он прав, тысячу раз прав. Но это невыносимо...

– Теперь я приехал к тебе, в то место, где ты чувствуешь себя комфортно и безопасно. Я не давлю на тебя, ничего не требую, не принуждаю. Мне хочется, чтобы ты чувствовала себя хорошо рядом со мной. Все, о чем я прошу – это несколько встреч наедине. Больше ничего. Даже пообещал тебе не трогать без разрешения. Хотя мне до боли хочется сжать тебя в объятиях, так чтобы ты даже дышать не смогла. Мне хочется целовать тебя часа два, а лучше три подряд, чтобы хоть немного утолить голод, которым я мучился три нескончаемых месяца... Думаю, лучше пока не рассказывать, что еще я хотел бы с тобой сделать, но список длинный. А я держусь. Не даю себе воли, хотя мог бы. Тебе не кажется, что и ты могла бы продержаться эти несколько дней без других мужчин?

– Он... просто знакомый... Это наша первая встреча вне храма...

– Надеюсь, и последняя...

Я горько усмехнулась:

– Можешь быть уверен! Этот человек больше не пригласит меня на свидание.

– Вот и хорошо. Мы договорились?

Он протянул мне свою большую горячую руку, и я со вздохом пожала ее.

– Договорились. Но ты должен сказать мне честно: как ты находишь меня в городе?

– Расскажу. Потом.

Это мне не понравилось, но уговор дороже денег. Терджан повел меня прогуляться по набережной, и я даже взяла его под руку, внезапно пожалев за такое долгое воздержание.

– Завтра наше первое свидание, – сказал он негромко, и я вдруг заметила, что наслаждаюсь звуком его голоса. А еще – запахом. Его неизменным восточно-пряным ароматом, полюбившимся мне еще во времена моего рабства. Невольно я прижималась к Терджану, с удовольствием втягивая носом этот чарующий запах. Он, видимо, неверно истолковал мои движения, остановился, повернулся ко мне и обнял за плечи, а потом потянулся губами к моему лицу. У меня отчаянно кружилась голова, но я все же смогла уклониться:

– Ты же должен спрашивать...

– Прости, я думал, что ты хочешь... Можно, я тебя поцелую?

– Нет, еще рано... Ты слишком торопишься.

– Я еще никогда не был так медлителен!

Я невольно улыбнулась и отстранилась на шаг. Волнующая игра, но нельзя терять контроль!

– Так что за свидание? – поинтересовалась я.

– Сюрприз. Я заеду за тобой на работу в шесть.

– Терджан, меня очень пугает, что ты знаешь обо мне так много...

– Я уже почти смирился с тем, что тебя пугает все подряд. Просто ты очень маленькая и слабая – в этом все дело. Но стоит тебе довериться мне, как ты поймешь, что только рядом со мной ты и можешь быть в безопасности. Просто доверься мне. Я все сделаю, чтобы тебя защитить.

Я привычно покачала головой. Терджан вздохнул:

– Надень, пожалуйста, завтра приличное платье.

– Такое? – спросила я, указывая на длину своего наряда.

Халиб отрицательно покачал головой:

– Нет, это неприличное. Руки голые, ноги видно. По меркам моей страны, такое можно надевать только в спальне перед мужем.

Он протянул руку и осторожно потрогал ткань на спине. Глаза его потемнели.

– Ты выглядишь в нем... потрясающе, но я бы хотел, чтобы никто, кроме меня, не смотрел на тебя в таком виде.

Он коснулся моих распущенных волос и шумно выдохнул:

– Ева... Это намного сложнее, чем я думал...

– Тогда отвези меня домой, – предложила я. – Завтра я оденусь приличнее, и тебе будет легче.

Глава 3. Моя женщина

Халиб

Я просто озверел, когда увидел этого самодовольного хряка за столиком рядом с ней. Кажется, у меня буквально кровью глаза налились. Честно говоря, я сразу почувал неладное, увидев на карте слежения, что моя женщина движется на большой скорости куда-то прочь от дома. Едет на машине. В седьмом часу вечера. В центр города.

Не теряя ни минуты, сел в автомобиль и отправился следом. Однако, несмотря на ослепляющее бешенство, я сразу заметил, сколь недостойного представителя сильной половины человечества Ева выбрала, чтобы позлить меня. Лысеющий мужичок лет тридцати с гаком, имеющий брюшко и самодовольное выражение на мерзкой роже. Свет очей моих могла бы и поприятнее кого-то выбрать...

Отчаянно хотелось отметелить этого субъекта, но я изо всех сил держался, дабы не оказаться в тюрьме вместо того, чтобы хорошенько отчитать мою глупую и недалёковидную возлюбленную. Я прекрасно знал, что она хранила мне верность все это время, а тут вдруг – ну не иначе, как назло! Я не мог понять ее мотивов. Зачем ей обострять ситуацию? Понятно ведь, что я не отступлюсь, а только стану жестче, грубее, напористее. Может быть, она этого добивается? От такой мысли кровь закипала в жилах. Перестать стелить перед ней ковровую дорожку, а вместо этого схватить и утащить – эта идея отдавалась такой судорогой в животе, что даже становилось больно. Но я вспоминал, как она замирала и плакала в моих руках накануне нашего расставания и снова терялся в догадках. Нет, она искренне страдала, думая, что не сможет противостоять моим желаниям. А я впадал в гнев и тоску, понимая, что не хочу ее беспомощной покорности. Что хочу ответной страсти, желания, нежности. Хочу ее любви.

И вот, я отпустил ее, а потом приехал сам. Чтобы добиться этой самой любви. И я добьюсь, чего бы мне это ни стоило.

Я провел следующий день в деловых телефонных переговорах, а в пять вечера принял душ, оделся в классические брюки и праздничную расшитую рубаху и поехал за моей любимой.

Она нарядилась, как в церковь – в очень похожей юбке и кофточке я застал ее вчера в христианском храме. Хорошая одежда – скрывает прелести моей прелестницы от чужих глаз, но в то же время подчеркивает ее нежную женственность.

А вот волосы безобразно выставлены напоказ. Я никогда не видел таких красивых волос, как у Евы, хотя в моем гареме и водились белокурые наложницы. А уж каким удовольствием было прикасаться к ним – не передать словами! Вот и еще один пункт списка, чем я займусь со своей третьей женой, когда она наконец покорится. Буду гладить и целовать их – они настоящее сокровище. Мягкие, сияющие, благоухающие, словно божественный нектар. Буду зарываться в них носом и целовать кожу головы под ними, тонкую шею, плечи... Да, пожалуй, лучше не увлекаться подобными мыслями, иначе желание заполняет все тело, так что становится тяжело дышать.

Волосы моей белокурой нимфы прекрасны, но, пока на них могут смотреть другие мужчины, их необходимо прятать. Я предусмотрительно захватил с собой тонкий красивый платок, изящно расшитый вручную золотыми нитями. Он, правда, совершенно не помог – Ева все равно выглядела слишком прекрасной. Как ангел, сошедший с небес. У нее большие голубые глаза и длинные пушистые ресницы, которые она подкрашивает, чтобы выглядеть еще прелестнее. Как будто ей мало того, что и так от нее невозможно оторвать взгляд. И они смотрят – те, кто работает с ней, кто посещает ее храм, кто проходит мимо... Неудивительно, что все европейцы – в той или иной степени сумасшедшие. Очень легко сойти с ума от ревности в такой обстановке.

Ева без конца улыбалась и стреляла в меня любопытными глазками, пытаюсь выяснить, куда же мы едем. Дошло до того, что она предложила мне выкуп за эту информацию – возможность взять ее за руку, но я стойко воздержался. Это сюрприз. Конечно, предложи она поцелуй, может быть, я бы и дрогнул, но сам на рожон лезть не стал – всё-таки мы ехали на серьезное мероприятие.

Увидев дом моего Бога, Ева обомлела.

– Ты серьезно? – спросила она. – Ты хочешь, чтобы я вошла туда?

– Почему нет? Я был в твоём храме вчера.

– Но разве можно туда входить неверующим?

– Мы никому не скажем об этом.

– А как же твой Бог? Ты не боишься его гнева?

– Он не станет гневаться, ведь ты идешь туда не с целью глумления или иного осквернения. Правда?

Ещё какое-то время моя птичка сомневалась, сжимаясь от своих суеверно-христианских страхов, но я был терпелив – в конце концов, любопытство пересилило тревогу, и мы вошли.

Еву сразу проводили в отдельное помещение для женщин – на балкончик второго этажа, прикрытый клеткой изящного плетения, – а я разулся и прошел в зал для мужчин.

Конечно, сосредоточиться на службе было нелегко: я машинально повторял молитвы вслед за священником и машинально клал поклоны, но мысли мои были неотступно заняты нежной белокурой девушкой, тоже находившейся сейчас в зале. Это было важно для меня. Так важно, что сердце мое сжималось в порыве любви и благодарности к Еве. Я верил, что она не подведет меня, что согласится посетить Богослужение, – и она не подвела. Из вежливости ли, из любопытства или еще какого-либо суетного чувства – не важно. Пока не важно. На тот момент было довольного того, что она здесь. Это рождало во мне надежду.

Отец всегда внушал мне, что Бог дает человеку все, стоит только попросить с искренней верой. Возможно, в каком-то смысле я совершал святотатство, но каждый день в своих молитвах я просил Господа, чтобы Он подарил мне эту женщину. Ведь это была Его воля – поставить ее на моем пути. Значит, возможно, что Он не против нашего с ней союза. А ее согласие войти в Его храм я воспринял как добрый знак. Конечно, до ее отречения от Иисуса далеко. Я вообще не знаю, согласится ли она когда-нибудь отречься от него. Во времена нашего знакомства Ева была не слишком религиозна – она даже толком не читала священных писаний – но потом, вернувшись на родину, стала часто посещать храм. Я знал это, благодаря своей системе слежения, так как почти каждый день проверял, где она, куда направляется.

Также я запрашивал информацию в специальных агентствах в интернете и знал о своей возлюбленной почти все: где она работает, где живет, с кем общается. Мне было доподлинно известно, что она одинока – в противном случае я бросил бы все дела, что удерживали меня на родине, и поехал требовать своего. Она моя, это непреложная истина, с которой я сросся умом и сердцем. Я не смогу жить вдали от нее, поэтому ей придется поехать со мной. Как это все устроится, я пока не знал. У меня был план свиданий и романтической поездки, но дальше я загадывать боялся. Слишком уж она непредсказуема – моя бывшая рабыня и настоящая повелительница моего сердца.

Служба закончилась скоро – по понедельникам они довольно коротки, оттого я и повел сюда Еву именно сегодня – чтобы она не утомилась.

– Как ты? – первое, что я спросил у нее, так как по лицу ее трудно было что-либо понять.

– Хорошо, спасибо, – мягко ответила она.

– Тебе понравилось? То есть, я хочу сказать, не было ли на Богослужении чего-то шокирующего, пугающего, неприятного?

– Отнюдь.

Забыв о запрете, я взял ее за руки:

– Ева, пожалуйста, расскажи свои впечатления. Это очень важно для меня.

Она смущенно улыбнулась и не отняла рук.

– Да, извини, я понимаю... Просто я боюсь сказать что-нибудь не то. Оскорбить твою веру или наоборот, внушить тебе напрасные надежды.

– Давай договоримся считать, что у тебя нет намерения меня обидеть, а значит, и обижаться не на что. А с надеждами я уж как-нибудь сам разберусь.

Ева еще чуть-чуть гуще покраснела и выдохнула:

– Это было завораживающе!

У меня появилось ощущение, будто на моем месте вспыхнул огромный костер. Огонь полыхал и вокруг, и внутри меня. Ей понравилось. Она в восторге. Я не ошибся: Ева действительно уникальная девушка, и я никогда никуда ее не отпущу.

Она прелестно, очень возбуждающе закусилла нижнюю губку, размышляя, говорить ли дальше, и я подбодрил ее, погладив большими пальцами крошечные ладошки.

– Возможно, так часто бывает, когда приходишь на какое-то необычное собрание впервые, – сказала она. – Я однажды попала на воскресную программу к кришнаитам... Это было незабываемо, я внимала каждому звуку, все проходило сквозь меня. Похоже было и сейчас. Другой мир, другой язык, непривычная обстановка... необыкновенные ощущения...

Я кивнул. Как и договорились, не стал сердиться на сравнение нашего богослужения с воскресной программой каких-то сектантов. Самое главное – что ей понравилось. Ева очень восприимчива, и это воодушевляло меня.

Потом мы поужинали в ресторане сирийской кухни – блюда там, конечно, не шли ни в какое сравнение с тем, что готовили мои повара, но я еще и не то согласен есть, лишь бы Ева сидела со мной рядом.

– Ты ведь понимаешь, – осторожно сказала она, – что мой интерес к твоей религии скорее сродни любопытству? Как к какому-то направлению в искусстве или жанру в литературе.

– Конечно, понимаю, – кивнул я. – Но то, что ты не испытываешь к ней враждебности или отвращения, уже хорошо. Это радует меня.

Ева вздохнула, поковыряла хумус, посмотрела на меня из-под полуопущенных ресниц. Такой волнующий кокетливый взгляд...

– Не переживай об этом, – сказал я. – У меня нет желания на тебя давить – разве ты этого еще не поняла?

– Но у тебя есть другие желания, и они не сбудутся, если я не приму твою веру...

К сожалению, это было уже не совсем так. Откровенно говоря, за время нашего знакомства я мысленно переступил через катастрофическое количество запретов моего Бога и его Законов. И возможно, если бы прямо сейчас Ева согласилась поехать со мной в отель, то я и секунды бы раздумывать не стал. Ни о религиозных, ни о нравственных, ни о культурных запретах. Обладание этой женщиной стало моей идеей фикс, я буквально помешался на ней, как ни печально это признавать.

– Ты торопишься, – попытался я успокоить ее, а заодно и себя. – Пытаешься предупредить события, которые еще не происходят. Давай жить сегодняшним днём, а проблемы решать тогда, когда они появляются.

Ева улыбнулась:

– Я как раз пытаюсь их избежать...

– Возможно, в момент их поступления они уже не покажутся тебе проблемами.

– Именно этого я и опасюсь!

Я рассмеялся. Умная девочка. Но у нее нет выбора. Я просто не могу предоставить ей выбор – только возможность добровольно следовать моему.

Ева

Я знала, куда все это меня ведет. Конечно, знала. Глупо отрицать это. Но детская привычка прятать голову в песок неискоренима в некоторых людях... Мне казалось, что у меня нет выбора. Что я не имею права отказать Терджану в его просьбе, ведь он отнесся ко мне по-доброму, несмотря на сопутствующие обстоятельства. Имел все возможности воспользоваться мной, но вместо этого отпустил. Поэтому я была уверена, что должна уделить ему внимание, пойти на встречу. Конечно, на самом деле, выбор есть всегда. Теперь я находилась под защитой родных властей, Терджан больше не вправе был приказывать мне. Я вполне могла наплевать на его чувства, на его душевные порывы, на его желание добиться моего добровольного согласия быть с ним рядом... Повести себя неблагодарно, чтобы спасти свою шкуру. Или, точнее, свободу. Но отчего-то такой вариант развития событий я не могла даже рассматривать.

Позже я часто задумывалась, почему согласилась пойти на богослужение в его храм. И сколько ни копалась в себе, ответ находила только один: мне хотелось, мне было любопытно, я, собственно, и не испытывала никакого внутреннего сопротивления этому. Стоя там и слушая заунывное пение мужчины в замысловатом головном уборе (очевидно, священника), я не чувствовала, будто совершаю что-то неправильное. Часто поглядывала сквозь прутья решетки на своего друга – его крепкую крупную фигуру в нарядной рубахе, его точные движения в унисон с прочими прихожанами, его идеально круглую макушку, блестящую в свете сотен свечей – и тайно наслаждалась всем этим, словно рассматривала прекрасно исполненное произведение искусства. Мне было хорошо, спокойно, даже радостно.

Терджан после богослужения стал таким напряженным, торжественным, натянутым, как струна – очевидно, переживал, не было ли мне в тягость пребывание в храме. Пришлось немного подбодрить его, ибо мне было тяжело видеть этого большого и сильного человека в таком волнении. От моих слов он расслабился, и на лице его проявилась почти детская радость. Она и умиляла, и пугала меня одновременно. Было страшно оттого, как далеко это все меня заведет...

Глава 4. Второе свидание

Ева

На следующий день ровно в шесть Терджан появился в офисе, где я работала. Он вошел прямо в кабинет, где сидели программисты и тестировщики, и стал внимательно осматриваться, особенно надолго останавливая взгляд на сотрудниках мужского пола.

– Чем могу помочь? – прошептала офис-менеджер Лера, буквально пожирая господина Насгулла глазами. Остальные девушки тоже обратили на него свое пристальное внимание.

– Я ищу Еву, – отчетливо проговорил он по-русски, но все равно звучало это очень по-иностранному.

Я поднялась из-за стола, чувствуя, как мое лицо заливается румянцем, и окликнула его. Тут уж все глаза в офисе обратились на нас – и женские, и мужские. Кто-то смотрел с любопытством, кто-то с восхищением, кто-то с завистью. Я приблизилась к Терджану и тихо сказала по-английски:

– Подожди меня снаружи, пожалуйста.

– Почему? Я мешаю?

Мои коллеги уже начали собираться домой, но им в самом деле очень мешало наше с Терджаном присутствие – отвлекало внимание, побуждало немедленно обсудить друг с другом, кто же этот загадочный лысый бородатый иностранец во всем черном и как он связан с сотрудницей Рождественской. Но моя навязчивая вежливость помешала мне ответить правду:

– Нет, разумеется, можешь подождать здесь.

Пока я выключала компьютер, прибирала на столе и складывала вещи в сумку, чувствовала на себе строгий оценивающий взгляд Терджана. Он больше не вертел головой по сторонам, а рассматривал только меня и при этом хмурился. Ну что на этот раз не так?! Зная, как он щепетильно относится к моим нарядам, я не стала пока носить штанов и шорт, и платье сегодня на работу надела отнюдь не короткое – до колен, но взгляд моего восточного друга был никак не легче пудовой гири.

– Тебе не следует одеваться столь откровенно! – сделал он мне замечание, когда мы наконец вышли на улицу.

– Откровенно? – раздраженно переспросила я. – Да это самое скромное платье на свете! Посмотри, рукава, воротник под горло, длина...

– Длина ужасная! У тебя половину ног видно!

Я не удержалась и расхохоталась в голос:

– "Половину ног" – это забавно!

– Не вижу в этом ничего забавного, – снова нахмурился Терджан. – У нас такой длины бывает только нижнее белье.

– Да, но мы не у вас. И если ты заметил, у нас девушки летом ходят в шортах, которые открывают не половину ног, а ноги целиком.

– Я стараюсь на них не смотреть. Это очень дурно – так ходить, и смотреть на это – тоже.

С меня вдруг спала вся веселость – очень уж он был серьезен. Я ведь тоже носила шорты иногда, поэтому поинтересовалась:

– Почему?

– Глядя на обнаженные ноги чужой женщины, мужчина впускает грех в свое сердце. Женщина же, которая ходит по улице голой, будет гореть в аду. Нельзя соблазнять благочестивых людей – это несмыслимый грех. Ты была одета очень хорошо, когда мы впервые встретились.

– Мы с тобой встретились в храме.

– И что? То есть, я понимаю: там дресс-код, но если это дом твоего бога, и в нем ты стесняешься одеваться неприлично, почему во всех остальных местах ты позволяешь себе недостойные наряды? Разве не сказано в Библии, что твой бог всюду и все видит?

Кажется, я покраснела с головы до ног. Он прав. Конечно, прав. Это просто разновидность лицемерия... Я лицемерка! Однако, признавать это не хотелось:

– Ты утрируешь. Я одета вполне прилично, в таком платье, как сейчас на мне, можно прийти в храм.

– Однако ты надеваешь подлиннее.

– Терджан, мне кажется, ты слегка переходишь границы. Совсем чуть-чуть. Заступаешь за линию.

Он криво улыбнулся – выглядело это жутковато:

– Простите, моя госпожа! Как я мог забыть...

Краска вновь бросилась мне в лицо. Ох, этот человек и без прикосновений может создать такую неловкость, что самым отъявленным донжуанам не снилось.

– Куда мы едем? – спросила я, усевшись на заднее сиденье большого просторного автомобиля. – Опять сюрприз?

– Да, на этот раз чуть более провокационный...

– Еще более провокационный? – изумленно переспросила я и внутренне сжалась в комочек.

– Ева, я очень прошу тебя не пугаться заранее и не делать преждевременных выводов. Все наши договоренности в силе, я не стану прикасаться к тебе без разрешения...

Всё-таки мне было весьма тревожно, но уговор есть уговор. Поняв, что я не собираюсь сбегать, Терджан еще немного осмелел и завязал мне глаза белым шелковым шарфиком.

– Не хочу портить сюрприз раньше времени, – пояснил он.

Интрига стучалась, я не могла унять сердцебиение всю дорогу, которая заняла минут десять, но они показались мне часами. Наконец, машина остановилась. Терджан помог мне вылезти из нее, а потом проводил в помещение.

– Ну вот, только пообещал, что не станешь трогать – и тут же нарушаешь слово! – улыбнулась я, имея в виду наши соединенные руки.

– Это всего на одну минуту и исключительно по необходимости! – мягко ответил Терджан и осторожно коснулся моей талии, чтобы слегка скорректировать траекторию.

Я мысленно покачала головой: нельзя доверять восточным мужчинам! Похоже, хитрость – их второе имя...

Мы несколько раз повернули, миновав какие-то залы и коридоры (об их примерных размерах я могла судить только по эху наших шагов), и наконец, войдя в очередную дверь, остановились. Шелковый шарфик с легким шелестом соскользнул с моего лица, и моему взору открылось нечто невообразимое. Я даже не представляла, что в нашем городе есть такие места.

Это был большой зал, полностью выложенный мелкой плиткой, со сводчатым потолком, лавками вдоль стен и огромным камнем на постаменте в середине. Все помещение было окутано белым паром – как туманом, но только не сырым и холодным, а горячим, даже обжигающим.

Я и в самом деле слегка испугалась. Я, конечно, не очень сведуща в этих делах, но всё-таки знаю, кто и зачем обычно приглашает девушек в баню.

– Нет, так не пойдет! – воскликнула я и развернулась, чтобы уйти, но Терджан удержал меня за руку.

– Ева, я ведь предупредил...

– И все? Ты считаешь, этого достаточно? Просто сказать "не волнуйся" – и я не буду волноваться?

– Это не то, что ты подумала...

– Ну конечно, показывать половину ног другим мужчинам – это грех, а вот разгуливать перед тобой совсем раздетой – совершенно нормально!

– На самом деле так и есть, потому что Господь подарил мне тебя, но если ты с этим не согласна, можешь не раздеваться.

– То есть, париться прямо в платье?

– Зачем? Я все подготовил...

Терджан взял меня за руку, вывел из зала и указал на дверь справа. На ней была табличка с изображением женского силуэта. Внутри оказалось очень изысканно отделанное помещение в восточном стиле, с роскошной мебелью, на которой лежали полотенца, купальник, несколько сорочек разной длины и плотности. На полу стояли изящные шлепанцы моего размера.

Терджан оставил меня одну, а я села на кресло и горько задумалась. Он прав. Он меня предупредил: это более провокационное свидание, чем вчера... Я, правда, и предположить не могла, что он осмелится привезти меня в такое место, но, в общем-то, все логично. Терджан последовательно проверяет, насколько далеко я готова зайти, потакая его желаниям в порыве благодарности. От такого места, как эта сауна, до постели – один шаг. А там я окажусь просто в ловушке. Нужно срочно выбираться отсюда. Стоит мне надеть купальник – и моя карта будет бита.

Вдруг в дверь постучали, и я услышала приглушенный голос моего коварного друга:

– Ева, ты одета?

– Да, – ответила я, поднялась из кресла, сделала два шага и открыла дверь.

– Я так и знал, – вздохнул Терджан и прошел внутрь.

– Если знал, зачем привез меня сюда?

– Безрассудная надежда, – по-мальчишески улыбнулся он, и я невольно залюбовалась его преобразившимся лицом.

– Почему ты не отвез меня в парк погулять или на аттракционы? – подсказала я ему логичный выход из ситуации.

– Это банально и глупо. Туда тебя может отвести любой мальчишка-соотечественник. Мне хочется познакомить тебя со своей культурой.

– В сауне?

– Это часть моей культуры.

– Разве в вашей культуре мужчины и женщины ходят в сауну вместе?

Терджан снова улыбнулся:

– Ты очень проницательна, но клянусь, я не имел в виду ничего оскорбительного! Ты можешь выбрать любую накидку, настолько закрытую, насколько хочешь, и оставаться в ней все время, пока мы в зале. В душ я за тобой не последую, даю слово!

Я смотрела на его лицо – лицо совершенно чужого мне человека. Не просто малознакомого, а по-настоящему чуждого: культурно, религиозно, эмоционально. И висела на волоске. Потому что он казался мне близким, понятным, почти родным. Глупо, нелогично, опасно. Буквально игра с огнем. Но я не могла побороть в себе ощущение, что мне хорошо рядом с ним, как тогда, в его доме. Смешно! Чувствовать себя в безопасности рядом с человеком, от которого исходит главная опасность. Но, похоже, именно так я себя и чувствовала, и Терджан понял это по моим глазам и добил:

– Я ни за что тебя не обижу, Ева. Потому что иначе не смогу себя простить всю оставшуюся жизнь.

И я сдалась. Проводила Терджана до двери. Надела купальник и самую закрытую сорочку. Собрала волосы в хвост.

В сауне было жарко и тяжело дышать: горячий пар обжигал нос изнутри. Там был небольшой бассейн, но Терджан сказал, что он не для купания, а для поддержания влажности. Просидев некоторое время на мозаичной лавке, я почувствовала, как щиплет глаза, и, проведя

пальцами по нижним векам, обнаружила на них сочный слой туши. "Ужас! – мелькнуло у меня в голове. – Я сейчас превращусь в настоящее страшилище! Или уже превратилась..."

Терджан заметил мое беспокойство и с улыбкой сказал:

– Это тебе намек от судьбы, что не стоит так ярко краситься на работу...

Он подошел к большой каменной раковине и открыл позолоченный кран, откуда пошла приятная прохладная вода. Я поспешно принялась умываться и терла свои многострадальные глаза до тех пор, пока они не перестали выделять черную краску.

– Макияж – это такая же часть моей культуры, как и сауна – твоей, – сказала я Терджану.

– Я бы понял это, если бы без него ты выглядела непривлекательно. Но ты и так прекрасна, как утренняя заря. А эта краска придает твоей внешности какой-то порочности...

– То есть, ты бы не хотел, чтобы я выглядела так, будь я твоей женой?

Взгляд его мгновенно потемнел, он шумно вздохнул.

– Такого я не говорил. Все, что происходит между мужем и женой, за дверьми супружеской спальни, не порочно по определению. А вот если выносить это в мир...

От его слов по моему телу против воли бежали толпы мурашек. Я буквально захлебывалась этим ощущением, а Терджан продолжал говорить:

– Раз уж мы заговорили об этом... Твои волосы тоже не дают мне покоя...

– Мои волосы..?

– Да. Ты ведь прячешь их под платком, когда приходишь в храм – отчего же распускаешь на работе? Наверняка они мешают сосредоточиться твоим коллегам мужского пола.

– Каким образом?

– Слепяя своей красотой и рождая непреодолимое желание прикоснуться к ним.

Я непроизвольно хихикнула в кулак, но потом обратила внимание на то, как острый жар покалывает все тело. Это ощущение становилось почти нестерпимым, и, встав с лавки, я даже чуть покачнулась. Терджан обеспокоенно вздрогнул, открыл воду и сказал:

– Умойся и иди в душ.

Я последовала его совету, и после этих процедур почувствовала значительное облегчение. Однако ему сопутствовала слабость и желание просто посидеть, а еще лучше полежать, к тому же мой желудок громким урчанием напомнил, что я не ела уже около шести часов. Я сообщила об этом Терджану, и он забавно поклонился:

– Слушаюсь и повинуюсь!

– Ты в самом деле похож на джинна! – со смехом сказала я, следуя за ним по коридору.

Он был одет в холщовый костюм: брюки и рубашку, которые, так же, как и моя накидка, прилипали к мокрому телу, красиво и соблазнительно очерчивая его привлекательные формы. Я невольно засмотрелась на широкую мускулистую грудь моего джинна, а он с ухмылкой ответил:

– В западном мире довольно узкое представление о джиннах. Вы думаете, что это духи, заключенные в лампах, перстнях и прочих артефактах и исполняющие желания. Но на самом деле, это куда более широкое понятие. Священные писания говорят, что это духи, которых Господь создал из пламени и которые в чем-то похожи на людей, но невидимы для них. Одно из самых удивительных их свойств – то, что они, по легенде, способны влюбляться в людей.

Он так выразительно посмотрел своими потемневшими глазами, что у меня даже ноги слегка подкосились. Или это от слабости из-за голода?

– А еще прежде джиннов Он создал ангелов. Из света. Я никогда не слышал легенд о том, как джинн полюбил ангела, но подозреваю, что это более, чем возможно.

Мы вошли в шестиугольное помещение с большим круглым столом посередине, очень красиво сервированным. Там были знакомые и незнакомые мне явства. Некоторые я пробовала в доме господина Насгулла, другие видела впервые. Терджан усадил меня в удобное кресло с подушками и положил на изукрашенную узорами тарелку несколько ложек разных блюд.

– Не ешь много, – посоветовал он, – чтобы тебе не сделалось дурно в сауне.

Очень хотелось пить. Я сама налила себе в стеклянный бокал какой-то рубиновой жидкости из графина. Беспокоиться мне было не о чем: я знала, что Терджан не употребляет алкоголь, а значит, его нет на столе. Напиток оказался невероятно вкусным: в меру сладкий, с легкой кислинкой и горчинкой, и приятно охлажденный. Мой восточный друг наблюдал, как я поглощаю эту восхитительную жидкость, с какой-то подозрительной торжествующей улыбкой.

Однако, после трех больших бокалов, для еды в моем животе уже не осталось места. Я только из вежливости сжевала крошечное канапе с паштетом и огурцом – это было самое маленькое, что я нашла на столе – и попыталась вернуться к прежнему разговору об ангелах, но с удивлением обнаружила, что мой язык слегка заплетается:

– Какие красивые легенды! Ох, как странно... отчего-то очень кружится голова...

Терджан, все это время не притрагивавшийся ни к еде, ни к питью, подвинул свой стул поближе ко мне и озабоченно пробормотал:

– Возможно, ты успела перегреться в сауне. Вот досада! Я опять не рассчитал нагрузку...

– Не говори глупости, – отмахнулась я. – У моих родителей есть баня на даче, я регулярно парюсь там, и ничего подобного со мной не происходит. К тому же, я только что шла по коридору и чувствовала себя в полном порядке. Это все этот странный напиток... В нем нет градуса?

Скулы Терджана внезапно потемнели, он взял в руки графин, словно мог определить содержание алкоголя на вид, и как-то нервно пожал плечами:

– Не должно быть. Но я спрошу у персонала.

– Только, пожалуйста, не наказывай их! – горячо попросила я его.

– Почему ты это говоришь? Ты считаешь меня жестоким?

– Нет... конечно, нет, просто ты бываешь... мм... порывист. Я никогда не видела, чтобы ты ударил кого-то, но я вообще редко видела тебя рядом с кем-нибудь, кроме меня. А однажды во время катания на верблюдах ты схватился за хлыст из-за того, что старик сделал мне комплимент.

Терджан усмехнулся и покачал головой:

– Это... что-то вроде этикета. Ты моя, я не должен позволять всякому отребью оказывать тебе знаки внимания, иначе потеряю статус.

Эта фраза – "ты моя" – полоснула меня ножом по сердцу, и оттуда потекла сладкая тягучая боль, заливая живот и солнечное сплетение. Он даже не удосуживается прибавить "была". Просто – "ты моя", и никаких компромиссов. Я понимала, что спорить бесполезно – он уже все для себя решил – и попыталась сменить тему:

– Так что ты там говорил про ангелов?

Суровое бородатое лицо расплылось в фантастически красивой улыбке. В такой улыбке, что мне захотелось попробовать ее на вкус... но я понимала, что это очень странное желание для женщины, которая тоже все для себя решила. И это решение отнюдь не совпадало с решением мужчины. Терджан ответил на мой вопрос:

– Господь создал их как помощников себе. Они прекрасны и светлы. Как ты.

Я покачала головой:

– Я человек.

– Я тоже. Какое совпадение! У нас много общего...

Я рассмеялась и нечаянно положила руку на его мощное предплечье, опутанное сетью вен. А может быть, и нарочно. Мне давно хотелось прикоснуться к нему, и теперь эта странная звенящая легкость в голове словно толкала меня на безрассудство.

Терджан осторожно положил свою большую горячую руку на мою ладонь и осторожно ее погладил. От этих его осторожных прикосновений по моему телу побежал такой бешеный

поток мурашек, что оно, похоже, превратилось в Третье транспортное кольцо. Голова отчаянно кружилась, и меня, кажется, даже начало покачивать.

– Со мной явно что-то не так, – прошептала я, наклонившись совсем близко к своему сердечному другу. На меня пахнуло его сладким пряным ароматом. Я прикрыла глаза и активнее потянула носом. Головокружение усилилось.

– Тебе плохо? – обеспокоенно спросил Терджан.

Я открыла глаза и принялась сосредоточенно прислушиваться к собственным ощущениям, а потом уверенно ответила:

– Нет. Мне хорошо. Просто... я как-то странно себя чувствую... Голова кружится и мысли путаются.

– Я думаю, это всё-таки из-за сауны, – авторитетно заявил Терджан. – Она ведь совсем другая, чем ваши бани... Тебе надо попить еще...

Он стал наливать в мой бокал опять ту рубиновую жидкость, но я протестующе замахала руками:

– Нет-нет, только не это! Налей мне, пожалуйста, простой воды.

Терджан с готовностью повиновался, но подавая мне стакан, вдруг спросил:

– Ты пьешь алкоголь?

Я отрицательно покачала головой:

– Не пила с тех пор, как... попала в рабство. То есть, уже где-то полтора года... Ну, если не считать причастия.

– Кровь Христова, – кивнул Терджан. – Тебе этот ритуал не кажется жутковатым?

Я пожала плечами:

– Это ведь чисто символически, в знак единения с Иисусом и отречения от грехов. Никто никогда не пил ее по-настоящему, даже на Тайной Вечери.

Головокружение начало потихоньку отступать, но я продолжала почти лежать на руке моего друга, вдыхая запретный запах полной грудью, словно хотела надышаться им, сохранить его в себе, как воспоминание.

– Что это за аромат? – спросила я, заливаясь краской.

Может быть, я могла бы купить такой же в магазине и подарить какому-нибудь близкому мужчине: отцу или мужу. Эта мысль странно опаляла жгучей болью. Будто я не желаю выходить замуж. Ни за кого, кроме...

Терджан мягко рассмеялся:

– Ты ожидаешь, что я назову тебе какую-то марку, вроде "Burberry London"?

Я молчала, наслаждаясь видом его улыбки. Терджан вздохнул:

– Этот аромат составлял для меня парфюмер. Он исходил из моих личных качеств и особенностей внешности, подбирая сочетание из более, чем 60 эфирных масел.

– Давно ты им пользуешься?

– Точно не помню, кажется, лет 20...

Я ахнула:

– И все это время тот же самый парфюмер раз за разом воссоздает один и тот же аромат из 60 масел?

– Не совсем. Я меняюсь, и он меняет состав в соответствии с этим. Например, пять лет назад, когда я пришел к нему после похорон отца, Визиб сказал: "Вижу, пора добавить в ваш флакон сладости и надежды!" Я ответил: "Скорее уж наоборот, горечи и тоски!" Но Визиб покачал головой, хитро так улыбнулся и сказал: "Однажды вы поймете!"

Тысячи вопросов вспыхнули в моей голове: я еще ни разу не слышала от Терджана о его родителях... Но задала совсем другой:

– И ты понял?

Терджан посмотрел мне в глаза – там полыхало пламя – и выдохнул:

– Кажется, да.

Я буквально онемела. Как после такого не верить в факиров и джиннов? Конечно, вся эта история может быть выдумкой, романтической сказкой, призванной заморозить меня, но это слишком по-детски. С другой стороны, не мог ведь парфюмер знать, что этот новый модифицированный аромат через пять лет очарует некую неизвестную ему девушку из далекой чужой страны...

Воспользовавшись моей задумчивостью, Терджан убрал руку с моей ладони и поцеловал ее – очень мягко, осторожно, но от его губ все равно остался острый пылающий след. Я в изумлении уставилась на нее, не в силах произнести ни звука. Терджан смотрел на меня молча – изучающе, испытующе. Протянул руку, погладил волосы. Еще немного помедлил и приблизил свое лицо к моему, обжег его дыханием. Моя голова кружилась от его пряного аромата, мысли разбежались из нее, как тараканы от внезапно вспыхнувшего света.

– Терджан... – прошептала я и мучительно скривилась.

– Поцелуй меня, Ева, – попросил он срывающимся голосом.

Но я не смогла. Что-то мешало мне. Я не помнила, что именно, но знала: это очень важно. Мой лоб бессильно опустился на мощное благоухающее плечо моего друга, я чуть не заплакала от терзавшей меня смутной тоски. Терджан вздохнул и погладил меня по голове.

– Ничего, – пробормотал он, – время еще есть.

Я встрепенулась, вдруг вспомнив, где мы находимся:

– На сколько времени ты забронировал сауну?

– Чего? – не понял он.

– Время... Сколько часов?

– А... – он отчего-то смешался. – Не знаю, наверное, на весь вечер.

Я встала, оправила частично высохшую накидку, взяла своего друга за руку и повела его в парную. Моя координация совсем восстановилась, и голова почти не кружилась, если не считать тех моментов, когда мне в нос опять ударял пряный восточный аромат. Чтобы избежать этого эффекта, я села подальше от Терджана, но он придумал повод снова приблизиться: снял с полки на стене небольшой ковшик с длинной ручкой, набрал в него воды и преподнес мне.

– Можно обливаться водой, чтобы не было так жарко.

– Тогда я буду вся мокрая...

– Именно поэтому ты и надела купальник.

Это был коварный ход. Всем известно, как облепляет тело сырая одежда – еще неизвестно, что выглядит эротичнее: обнаженная девушка или девушка в мокрой рубашке. Поэтому я пока решила обойтись умыванием. А вот Терджан вылил несколько ковшиков прямо себе на макушку. Вода растеклась по его плечам, животу и спине, и мне приходилось прикладывать серьезные волевые усилия, чтобы не следить за этим процессом, как замороженная.

Потом Терджан достал с полки несколько флакончиков с эфирными маслами и предложил мне решить, какой из них капнуть на центральный камень. Я выбрала мандарин и чайную розу. Терджан одобрительно кивнул, и вскоре по залу разнесся восхитительный аромат.

Терджан расстелил на одной из лавок простынь, сложенную вчетверо, и попросил меня лечь на нее животом.

– Я немного поглажу тебя, – прошептал он мне в самое ухо, обжигая дыханием, – но через накидку. Не бойся...

Я улыбнулась:

– Если господин Насгулл чего-нибудь и боится, так это напугать меня.

– Не только, – выдохнул он, начиная осторожно массировать мои плечи. – Еще я боюсь, что ты исчезнешь. Что выйдешь за другого. А больше всего... – голос его дрогнул.

– Что я умру, – закончила я за него.

– Не говори это вслух, одно это слово причиняет мне боль.

– Хорошо, больше не буду.

Мне опять стало грустно. Если бы не эта печаль о его напрасных надеждах, то я, наверное, очень возбудилась бы от такого массажа. Терджан нежно оглаживал мое тело сквозь плотную, но мягкую ткань. Он касался только спины и плеч, но я чувствовала, как вибрируют от страсти его раскаленные руки.

Мое тело опять стало покалывать от жара, я попросилась в душ. Пока меня не было, Терджан, похоже, облился водой с головы до ног прямо в костюме – тот облепил его совершенно неприлично.

– Если помнишь, тебе доводилось видеть меня в исподнем, – с хитрой улыбкой произнес мужчина в ответ на мое смущение.

О да, это правда. У меня была возможность оценить его мощное тело во всей красе в тот момент, когда я пришла поговорить с хозяином и обнаружила, что господин Насгулл и мой друг Терджан – одно лицо.

– Скажи, ты серьезно хотела предложить мне денег? – спросил он, снова укладывая меня на лавку и опять принимаясь за свое коварное дело.

– Вполне. Я ведь не знала, что ты... что вы...

– Один человек.

– Да. Я думала, что никогда не встречала хозяина, что он и не знает ничего обо мне, кроме как с твоих слов. И помня, как гуманно он относится к слугам, надеялась, что моя просьба, вкупе с долговой распиской, побудит его...

– Но ведь ты даже не знаешь сумму! Может быть, у тебя нет таких денег и никогда не будет.

– Это неважно. В тот момент было неважно. Я могла думать только об одном... А... сколько..?

Терджан усмехнулся:

– Ну да, конечно. Так я и сказал!

– Почему нет?

– Ни за что! Ты бесценна, понятно? Весь остальной мир тебя не стоит, не то что деньги.

Я смущенно поежилась:

– Ты преувеличиваешь.

– Я с ума схожу. По тебе.

Я зашевелилась, пытаюсь встать. Терджан придавил меня ладонью:

– Лежи.

– Я хочу встать.

Он отпустил. Устало сел рядом, слегка ссутулился.

– Уже, наверное, много времени, – предположила я, осторожно погладив мокрое плечо. –

Пора спать.

Терджан качнул головой:

– Не хочу больше спать без тебя. Хочу засыпать и просыпаться рядом с тобой.

– Терджан...

– Разве это так много? Хочешь, я пообещаю, что не стану прикасаться к тебе? Кажется, я вел себя хорошо и заслужил немного доверия...

Меня будто ошпарило кипятком:

– Ты ведь не серьезно, правда?

– Вполне серьезно.

– Ты предлагаешь мне спать с тобой в одной постели и не прикасаться друг к другу?

Он пожал плечом:

– Если тебе захочется меня потрогать, я возражать не стану.

У меня вырвался нервный смешок: это просто фантастика... И как удивительно, что именно я в нее попала! Я никогда не увлекалась романтикой, не читала книги о любви, не смотрела мелодрамы... Всегда отличалась трезвой рассудочностью и рациональным мышлением. Я ведь математик-программист. Я люблю логику и алгоритмы, но это... Это не похоже ни на то, ни на другое. Вообще не поддается объяснению. Какая-то иррациональная форма помешательства.

К счастью, когда я вернулась домой во втором часу ночи, родители уже спали. Не хотелось объяснять, где и с кем это я шастаю до такого позднего времени. Однако на следующее утро, которое встретило меня категорическим недосыпом, головной болью и мешками под глазами, мама востребовала все сполна.

– Ко мне приехал друг, – мямлила я, заодно пытаюсь подготовить родительницу к сегодняшнему мероприятию.

Терджан настоял, что сегодня моя очередь проявлять гостеприимство, и хотя мамы не будет (слава Создателю, она на сутках в больнице!), папа все равно скажет ей потом, что ко мне приходил мужчина. Да еще какой..!

– Что за друг? Откуда? – сразу взволновалась мама.

– Оттуда, – буркнула я.

– Оттуда?! – ошарашенно переспросила она. – Тот, что помог тебе сбежать?

Да, я немного переврала историю своих приключений и разделила в ней пленителя и спасителя на две разные личности, чтобы не рассказывать родным и близким шокирующие подробности, природу которых и сама плохо понимала...

– Да, тот самый, – вздохнула я, запивая таблетку нурофена целым стаканом воды.

Мама с сожалением посетовала на то, что папа не говорит по-английски, а я возблагодарила Господа за это же самое. Еще не хватало, чтобы родители допрашивали Терджана о моей судьбе!

– Я бы тоже хотела с ним познакомиться, – сказала мама сокрушенно, уже стоя на пороге.

– Возможно, тебе еще представится такая возможность.

Нет, конечно, я не планировала продолжать общение с моим восточным господином по истечении этих пяти свиданий, и уж тем более представлять его маме, но если я что и усвоила за последние пару лет, то это простая общеизвестная истина: "Человек предполагает, а Бог располагает". Маловероятно, что Иисус желает моего союза с этим человеком, верующим в совсем иного бога, но знать этого наверняка мне не дано. Столкнул ведь он нас, да так, что теперь мы никак не можем разойтись обратно. Будто срослись, энергетически и эмоционально. И несмотря на дурное самочувствие, волнение и тревогу, я испытывала невольное желание... нет, даже потребность увидеть его.

И Терджан, кажется, знал об этом. Проводив маму и вернувшись на кухню, я обнаружила в телефоне сообщение с незнакомого номера:

"Dobroe utro, moi angel. Kak spala?"

Я ответила по-английски:

"Доброе утро. Спасибо, хорошо. А ты?"

"Всю ночь скучал по тебе"

Дрожь прошла по моему телу, во все стороны отдавая мурашками. Я больше не стала отвечать и пошла в ванную. Душ очень помог мне окончательно прийти в себя и взбодриться. Я выпила чашку чаю, съела маленький тост и отправилась к себе в комнату собираться. Открыла шкаф и замерла.

Я не обязана соблюдать дресс-код, который мне навязывает мой властный друг. Но рука не поднимается надеть ни шорты, ни короткую юбку – и это в конце июня, в разгар летней жары! Поборовшись с собой еще несколько минут, сдаюсь и надеваю платье, в котором обычно

хожу в церковь. Расчесываю волосы, собираю их в хвост, наношу немного туши на ресницы – и на этом все.

Я сошла с ума? Он не мой муж, вообще не мой мужчина, я не принадлежу ему – зачем весь этот маскарад? Думала об этом всю дорогу до работы, а там меня ждал новый сюрприз. Почти каждая сотрудница улучила минутку – в перерыве на чай, в походе в уборную или паломничестве к принтеру – чтобы допросить, кто это вчера забирал меня с работы.

Массивный, представительный и загадочный иностранец поразил воображение моих коллег. Они смотрели на меня с нескрываемой завистью, а офис-менеджер Лера так просто убила фразой:

– Ну и видок! Видно он вчера тебя из постели живой не выпустил! Что там, засосы на ногах?

У меня чуть истерика не случилась – по крайней мере, вырвалось несколько нервных смешков, и я тут же приняла решение: довольно! За несколько часов настырные сотрудницы успели утомить меня своими расспросами и намеками, к тому же надо было что-то приготовить для дорогого гостя – и я отпросилась у начальства домой, сославшись на головную боль и пообещав, что отработаю это время сверхурочно на выходных.

Халиб

Пока все шло хорошо. Не без огрех, но в целом по плану. И самое главное – мне удавалось держать себя в руках, что оказалось совсем не просто. Я и представить не мог, как буду чувствовать себя рядом с ней, в такой близости. Забыл за три месяца, какую бурю ощущений вызывает во мне эта нежная девочка. Сколько восхищения и поклонения, вперемешку с абсолютно неконтролируемым животным влечением... И как я удержался тогда от поцелуя – сам не знаю. Ведь она первой прикоснулась, не отстранилась, когда я тоже сделал шаг навстречу. У меня буквально темнело в глазах, и только одна маленькая деталь охлаждала мой пыл, один мой нечестный ход. Полхода. Этот напиток.

Я с того самого дня, когда мы с Евой разбирали пакет русских продуктов у меня на кухне, думал об алкоголе... Не напоить ее до бессознательного состояния, нет, но она сама сказала тогда, что спиртное "очень помогает расслабиться, стряхнуть напряжение и зажимы". Она иногда пьет его, Иисус не запретил своим овечкам делать это, поэтому я решил, что не будет большого греха...

Это, конечно, была сделка с совестью. Ведь я не христианин. Сам не пью, а значит, давать алкоголь другим, особенно своей женщине, – почти преступление. Тем более, тайно от нее самой. Градусов в том напитке было очень мало, мой повар искусно завуалировал их ягодным букетом, но Ева все равно что-то заподозрила. Однако, все обошлось благополучно, мой обман не был раскрыт, а эффект... превзошел все мои ожидания. Сказался тот факт, что моя птичка выпила много и на пустой желудок, и почти ничем не закусила. Она так расслабилась, что даже позволила себе прикоснуться ко мне. И это внушало оптимизм. Потому что алкоголь не может пробудить в человеке чувства, которых у него не было – он только помогает выпустить их на волю. Спиртное просто позволяет обнаружить желания и чувства, спрятанные под гнетом доводов рассудка. Так случилось и с Евой. Я снова убедился, что она ко мне неравнодушна. Осталось только убедить в этом ее саму.

Глава 5. Третье свидание

Халиб

Как следует выспавшись, я сходил на тренировку (давно убедился, что нельзя пропускать ни одной. Я не в том возрасте, чтобы пренебрегать своим здоровьем, особенно если хочу прожить еще долго и счастливо со своим ангелом. А я хочу), принял душ, провел все необходимые телефонные переговоры по работе. Собрал сумку с подарками и отправился к своей возлюбленной.

Чувствовал себя настоящим мальчишкой. Казалось, мне уже поздно так влюбляться. Возраст, жизненный опыт, семья, взрослые дети... Мой сын Дахи вполне мог бы влюбиться в Еву, но, к счастью, я встретил ее раньше и укрыл от всех. Никто из моей семьи не знал о ней... пока. Конечно, рано или поздно они узнают. Когда я привезу ее обратно, мы поженимся, я выделю ей покои... Но до поры до времени лучше держать ее в секрете. Мой маленький сладкий секрет... Мне очень хотелось, чтобы она поскорее стала моей законной супругой, матерью моих детей, но одновременно с этим я желал как можно дольше беречь свою тайную страсть от чужих глаз.

Ева встретила меня в длинном платье, с собранными волосами и почти без макияжа. Опять она все перепутала! Ведь я хотел, чтобы другие созерцали ее в этом виде, а для меня можно и нарядиться... А впрочем, все впереди. Я поставил на пол сумку с подарками и снял сандалии – так принято у них в России. Ева предложила мне домашние тапочки, но они были слишком теплыми.

– Может быть, поцелуешь меня в качестве приветствия? – сразу решил я попытать счастья.

Моя северная красавица очаровательно зарделась, но положила тонкие ладони мне на плечи, пристала на цыпочки и чмокнула меня в щеку. В этот же самый момент из коридора показался мужчина среднего роста и телосложения, лысоватый и почти седой. Лицо его выражало дружелюбное любопытство. Он с готовностью протянул мне руку и назвал очень длинное, сложное для запоминания имя.

– Это мой папа, – пояснила Ева, хотя я и сам уже понял.

– Здравствуйте, – ответил я ему по-русски, чем, кажется, приятно удивил, и представился: – Халиб Насгулл.

– Да-да, я знаю! – закивал он. – Спасибо!

Он произнес еще несколько слов, из которых ни одно не было мне понятно, и Ева перевела:

– Он благодарит тебя за мое спасение.

– Пожалуйста! – улыбнулся я. – Спасибо за Еву!

Моя возлюбленная покраснела, принялась объяснять мои слова отцу, эмоционально жестикулируя. Кажется, она настаивала на том, что мы друзья. Что ж, пусть пока он думает так. Я достал из сумки коробочку с часами, которые приобрел специально для будущего тестя. Это были хорошие швейцарские часы – мой помощник сказал, что здесь они тоже ценятся. Борис – так, кажется, звали Евиного отца – пришел в очень сильное возбуждение и смущение. Я не понимал, что он говорит, но по жестикуляции понял: отказывается от подарка. Если бы он только знал, какая это мелочь в сравнении с тем, что я потратил на его дочь..! И мне не было жаль этих денег.

Я наотрез отказался принять часы назад и заверил Бориса через Еву, что он очень расстроит меня, если не возьмет их. Он растрогался чуть не до слез и обнял меня, как родного. Это мне понравилось: будет моим союзником.

Ева проводила меня на крохотную, тесную кухню и усадила за маленький столик.

– А где твоя мама? – спросил я.

– Она работает целый день в больнице. С утра до утра.

– Она врач?

– Нет, медсестра в хирургии.

– Почему ты не захотела пойти по ее стопам?

– Я слишком нежная и слабая для такой профессии.

Это правда. Моя Ева похожа на цветок. Кажется, один неверный вздох может сломать ее, или, как минимум, пошатнуть здоровье.

– Надеюсь, ты голоден, – загадочно улыбнулась моя хозяйка.

– Ты приготовила мне те самые блюда русской кухни, про которые говорила?

– Да. Борщ, пельмени и блины, – все это она произнесла по-русски, так ласково и вкусно, что мне захотелось повторить:

– Борсчь...

– Пельмени, – подсказала Ева.

– Блины.

Я не мог перестать улыбаться, глядя, как моя молодая невеста наливает черпаком что-то горячее малиново-красное из большой кастрюли.

– Там ведь нет свинины, правда? – уточнил я, почти захлебываясь слюной.

Ева покачала головой:

– Конечно, нет. Я помню. Варила на говядине. И пельмени из курицы.

Я не выдержал. Встал, подошел к ней сзади, протянул руки:

– Можно, Ева?

Она шумно выдохнула, но ничего не ответила, и я со стоном обвил руки вокруг ее тонкой талии. Прижался губами к хрупкому плечу – возле шеи, там, где оно еще не было закрыто крепдешинном.

– У меня для тебя тоже подарки есть, – прошептал я прямо в трепещущую и благоухающую кожу.

– Поешь сначала, – предложила она, положив тонкие ладошки на мои напряженные предплечья, стиснувшие ее талию, но от этого мою голову еще сильнее заволкло туманом.

– Я вдруг потерял аппетит.

– Терджан... – в ее голосе зазвучали жалобные нотки.

Я неимоверным усилием воли заставил себя отпустить ее, отвернулся, заглянул в кастрюлю, чтобы хоть немного отвлечься. Вожделение словно набрасывало красный платок на мой разум, голова отказывалась мыслить ясно.

– Я сегодня ушла с работы на обеде, чтобы приготовить тебе все это, – с легким укором произнесла Ева, но по ее выражению лица я понял, что это только предлог, чтобы усадить меня за стол. Заставить оторваться от нее. Она по-прежнему боится. Даже здесь, на своей территории! Вот ведь пугливый зверек! Но ничего, я буду терпелив.

Ева поставила передо мной тарелку с дымящимся красным супом и добавила в него что-то белое из баночки, которую взяла в холодильнике.

– Сметана! – сказала девушка, помахав ею перед моим носом. – Помнишь?

Я кивнул:

– Мы запекали с тобой картошку у меня на кухне.

– Ты... очень хитрый обманщик! – воскликнула Ева. – А я... ужасно доверчивая простушка. Как я могла не догадаться, что ты и есть господин? Это наше купание в море, встреча утром на балконе, твой приезд за тридевять земель, чтобы заглянуть мне в глаза, пустая кухня... Боже, кажется, и курица бы догадалась..!

Я проглотил очередную ложку борща и промокнул губы и бороду салфеткой:

– Почему же ты не догадалась? И не закралось ни одного сомнения? Признаться, я ждал разоблачения...

– Я как-то с первой нашей встречи, когда увидела тебя в этой простой черной одежде, не допускала мысли, что ты можешь быть кем-то выше слуги. А еще мне, наверное, хотелось, чтобы мы с тобой стояли если не на одной ступени социальной лестницы, то хотя бы не очень далеко. Ужасно было чувствовать себя низшим сословием, даже хуже того!

– Кажется, я никогда не позволял себе обращаться с тобой как с низшей...

– Нет. О, нет, никогда. Я очень благодарна тебе за это.

Я усмехнулся:

– Порой мне даже казалось, что это я стою перед тобой с протянутой рукой. И до сих пор бывает такое ощущение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.